

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

«В 1944 году я был заключен в фашистскую тюрьму в польском городе Санок. В этом городе находился лагерь для советских военнопленных. Оттуда и привели к нам вашего соотечественника, попавшего раненым в плен. В лагере он сколотил группу — хотел организовать побег, примкнуть к партизанам или попытаться перейти линию фронта, чтобы снова воевать с фашистами. Однако его предал провокатор, сотрудничавший с фашистами, и заговорщика перевели к нам, в гестаповскую тюрьму.

Знаю о нем мало: Николай Туманян, житель Аштарака. Свое воинское звание не называл ни разу. Супругу его зовут Роза.

Хочу, чтобы его соотечественники, весь советский народ знали имя этого мужественного человека и гордились им.

Коротко сообщаю: гестаповцы пытали его страшно, непрерывно, но не услышали ни одного ответа на их вопросы. «Смерть немецким оккупантам» — единственная фраза, которую он произносил.

Прошу простить меня — русским владею плохо, трудно описать все, что я видел и о чем думал. Когда меня арестовали, мне было 16 лет. Несмотря на это, я сблизился с Николаем. Когда его привели после пыток, смывал кровь, перевязывал ему раны лоскутами из моего белья.

После войны много раз писал в Аштарак, Розе Туманян, но не получил ответа. И вот решил написать вновь — вы должны знать об этом человеке, иначе сам себе не прощу. Он был из людей, жизнь которых должны изучать дети в школе, имена которых должны носить улицы и площади».

С таким письмом обратился в ЦК Компартии Армении пражанин Ярослав Голан. Это было в 1958 году. Удалось разыскать родных Туманяна, в Чехословакию отправился специальный корреспондент «Коммуниста» А. Мкртчян, встретился с Ярославом Голаном и рассказал об этой встрече в репортаже «Без вести пропавший».

Армения узнала о последних днях жизни еще одного из своих многочисленных сыновей, павших в годы Великой Отечественной, завязалась дружба между семьями Туманянов и Голанов. В 1975 году Ярик (отныне так он уже подписывал свои письма) писал родным героя: «9 мая, в день тридцатой годовщины Победы над фашистской Германией буду вспоминать вас и моего Николая».

И вот прошло еще десять лет. Мы готовимся уже к 40-летию великой Победы. Перечитываю газетные статьи, письма. Да, мало, до обидного мало мы знаем о том, как воевал Николай Туманян, с кем дружил, о чем мечтал. Но мы знаем о последних днях его жизни, а это были главные дни, когда своей стойкостью, упорством, самой своей смертью одержал свою личную победу над фашистами.

Годы уходят, за далью времен расплываются черты от-

дельных лиц. Но мы никогда не должны забывать, что победо одержали живые, конкретные люди, советские люди, сплоченные одной идеей. И великая всенародная победа складывалась из личных побед солдат и офицеров. Вот почему сейчас хочется вновь напомнить о подвиге Туманяна.

Трудно, невероятно трудно приходилось тем, кто сражался на фронте, и тем, кто ковал победу в тылу. Но горше всех пришлось тем, кто был в плену. Чем могли они помочь фронту? Только одним — доказать свое моральное превосходство над врагом, не уронить чести советского человека, достойно принять смерть. Это единственно возможное для себя оружие избрал Николай Туманян.

1944 год. Ход войны давно переломился, но фашисты еще нагло разбойничали в поверженной Чехословакии. Январским утром шестнадцатилетний Ярослав Голан столкнулся на одной из улиц Праги с отрядом гитлерюгендовцев — маршировали со знаменами под песни и барабанный бой. Он не снял шапки, отвернулся от строя и был за это жестоко избит. Ярик запомнил одного из фашиствующих юнцов, выследил его и через несколько дней, один на один расплатился с обидчиком. Остаться в Праге уже было нельзя. Он видел для себя лишь одну дорогу — на Восток, перейти линию фронта, вступить в Советскую Армию. План по-мальчишески наивный, тем не менее удалось преодолеть немалое расстояние. И лишь при переходе в Польшу его арестовали и отправили в гестаповскую тюрьму в Санок. После нескольких дней допросов и побоев юношу определили в похоронную команду.

«Здесь, в этой крохотной камере, переполненной заключенными чехами, поляками, словаками, сербами, мне пришлось встретиться с человеком, который оставил неизгладимый след в моей жизни. — вспомнил Ярослав Голан. — Чем больше лет проходит, тем глубже осознаю, что сумел выжить, стать настоящим человеком благодаря ему. Всегда и во всем старался хоть чуточку походить на него, выполнять то, что говорил он мне, как своему сыну».

Николая Туманяна бросили в камеру в феврале. Он лежал, избитый, окровавленный, и молчал. Утром его вновь увели на допрос и приволокли через несколько часов. На пальцах рук у него были вырваны ногти, на спине, под лохмотьями рубахи — глубокие раны от ударов стальными прутьями. Он лежал в луже крови и, как и в первый день, молчал. Узникам показало даже, что он умер. Очнувшись лишь на несколько мгновений, когда Ярик обмывал ему раны и пытался перевязать.

Каждый из сидевших в камере знал по себе, как допрашивают гестаповцы. Но даже им, этим людям, страшно было представить себя на

месте Туманяна. Его колотили раскаленными иглами, сдирали кожу, выбивали зубы, умирали от голода, когда тер-

сознание, обливали холодной водой и продолжали истязать. Чем мог помочь ему юный пражанин? Несколько сгнивших картофелин, перевязки, и самое главное — человеческое участие.

Ярик впервые сталкивался с советским человеком, коммунистом. Впервые, и к тому же в условиях, когда идет труднейшая проверка силы духа. Поведение Туманяна вызывало у юноши не только удивление, но и глубокое благоговение. И тем более был взволнован, когда Туманян поверил в него, рассказал о себе, о своей семье. Поведал, как раненый попал в плен, как фашисты гнали колонну военнопленных впереди танков, и каждый, кто обессилев, падал — оставался под стальными гусеницами. Когда колонна добралась до концлагеря в городе Санок, из 400 человек в живых оставались 150.

Туманян, другие советские солдаты не теряли надежд на освобождение. Стали сколачивать подпольную организацию, разрабатывать план восстания. Конспирация соблюдалась строгая, но в ряды подпольщиков пролез агент гестапо. Арестованы были многие. Имена руководителей подполья — вот что безуспешно пытались узнать у Туманяна гестаповцы.

Изнуренный голодом и пытками, весь в кровавых ранах, Туманян не вызывал у сотоварищей жалости — наоборот, сам служил примером стойкости, силы, оптимизма. Он рассказывал о родной стране, и каждое слово его было пронизано верой в победу советского народа. Все, что говорил Туманян, запало в душу, запомнилось Ярославу Голану на всю жизнь.

Туманяна не просто пытали — над ним издевались. Как-то полный эсэсовец приставил к его виску пистолет и приказал пожелать успехов немецкой армии. В ответ услышал гневные слова проклятья. В последний раз Ярик видел Туманяна в страшном состоянии — его бросили в камеру с переломанными руками и ногами. Со спины была снята кожа и обсыпана солью... На третий день после этого Николай Туманян, так и не придя в сознание, умер. Ярик поклялся отомстить

за смерть человека, который стал ему близок за этот невыносимо трудный месяц. И лишь об одном мечтал — вырваться из тюрьмы. Помогла ему случайность — когда в лесу убирали трупы расстрелянных узников, начался воздушный налет, бомбардировка. Пользуясь паникой среди охранников, Ярик сбежал с группой других заключенных. После долгих мытарств он перебрался в Словакию, оттуда — в Прагу, участвовал в пражском восстании, уничтожил в боях 27 фашистов. В дальнейшем он служил в чехословацкой армии, уволился в отставку по болезни, работал. И всегда продолжал испытывать признательность Туманяну, чей жизненный подвиг помог ему в юности обрести себя, выбрать правильный путь в жизни. Со знакомства с Туманяном начинается его глубокая любовь и уважение к Советской стране и ее людям.

До обидного мало мы знаем о боевом пути Николая Туманяна. Но мы знаем о самых трудных днях, последних днях его жизни. Раненый, искалеченный, измученный, он, тем не менее, не был сломен духовно, умер истинным патриотом и коммунистом. С такой смерти начинается подлинное бессмертие.

Казалось бы — чистая случайность, что мы узнали о последних днях Туманяна. Но есть в этой случайности глубокая закономерность — высокие дела не стираются из памяти очевидцев и, рано или поздно, становятся достоянием народа.

А в Аштараке Николая Туманяна помнили всегда. Студент университета, он имел бронь, но пошел на войну добровольцем. До сих пор жив Вардик Карапетян, с которым вместе они подавали заявление в военкомат. В районном Дворце культуры готовятся к 40-летию Победы, сейчас собирают материалы для вечера памяти Николая Туманяна — беседуют с друзьями, родными. Вновь полетели письма в Прагу — люди хотят знать о герое все, до мелочей. Это важно для нас, живущих.

В. АЙДИНЯН.

На снимке: Николай Туманян с женой Розой.